

?

На заре столетия прадед Чу Юня, в годы войны, обучался за рубежом, вращаясь в изысканных аристократических салонах. Благодаря своему природному таланту к аукционам антиквариата старого века и истинному искусству создания товаров высшего качества, он сумел втереться в доверие к ключевым фигурам высшего общества того времени.

Именно так был заложен прочный коммерческий фундамент семьи Чу.

Впоследствии, приняв дело отца, дед Чу Юня, Чу Хуайчэнь, в период экономических потрясений на исходе века использовал инвестиции в предметы искусства как эффективный трамплин. Он поглотил множество старых компаний, находившихся на грани полного банкротства, и постепенно выстроил по всей стране монументальную пирамидальную империю.

Холдинг Чэньхуа.

Корона Чэньхуа была усыпана сокровищами, собранными со всего мира: люксовый бренд Редженс Мейзон, Редженс Павильон – величественный подиум для рекламы, международного сотрудничества и создания брендовых историй, а также медиа-индустрия Редженс Медиа, созданная уже новым поколением...

В Чэньхуа никто не жил исключительно ради себя. Каждый шаг здесь был сделан по следам предшественников и одновременно продиктован безмолвными притязаниями потомков.

Чу Юнь был единственным исключением в этой семье.

Если бы не кровное родство и внешность, служащие неопровержимым доказательством, он совсем не был похож на члена семьи Чу, имеющего законное право на наследство.

Даже между родными братом и сестрой постоянно чувствовалось осязаемое напряжение, но Чу Юнь жил вне самого эпицентра борьбы за власть, оставаясь в глазах окружающих просто капризным молодым господином.

Его совершенно не волновало, что титул господина Чу мог принадлежать лишь Чу Мяню, и уж тем более его не заботило мнение посторонних. Внутренние распри в Чэньхуа и стаи голодных волков, рыщущих снаружи, – всё это не имело к нему никакого отношения.

Для Чу Юня цель жизни, пожалуй, была лишь одна: жить так, как ему самому этого хочется.

Так вышло, что его старший брат думал примерно так же. Лишь бы младший был жив, а остальное – неважно; никаких ограничений, пусть делает всё, что пожелает.

Чу Юнь прекрасно это понимал.

В конце концов, даже мозг господина Чу был словно отлит из холодного драгоценного металла, а в венах вместо крови текли банковские проценты и бесконечные денежные потоки. У него просто не было времени на легкомысленные игры младшего брата.

Ши Цзянь стал одним из немногих исключений.

Возможно, потому, что Ши Цзянь находился рядом с Чу Юнем уже очень долго.

С момента их первой встречи прошло почти семь лет.

Срок действительно немалый, достаточно долгий, чтобы даже в расчетливой голове Чу Мяня отложились внешность и имя этого человека, и чтобы тот изредка сдержанно кивал при встрече.

Когда задумываешься об этой цифре, в голову сам собой приходит термин «кризис семи лет».

Осознав это, Ши Цзянь невольно усмехнулся.

Он подумал, что кризис семи лет – это, вероятно, волнение тех, кто когда-то глубоко и искренне любил, но затем погряз в серой бытовой рутине и начал испытывать взаимное отвращение.

Это совершенно не подходило к их ситуации.

Ни «глубокая любовь», ни «бытовая рутина» не имели к Чу Юню никакого отношения – они находились от него на расстоянии светового года.

На самом деле, Ши Цзянь всегда лишь смутно припоминал, как они вообще дошли до сегодняшнего дня.

Его разум и сердце были не совсем здоровы: иногда он забывал слишком многое, иногда внезапно вспоминал, но чаще всего путал суровую реальность с призрачными иллюзиями.

Он был человеком с глубокими ментальными нарушениями.

Если смотреть с этой стороны, то готовность Чу Юня содержать его так долго делала того своего рода филантропом.

Ши Цзянь опустил глаза. На его левом запястье красовался браслет, который даже в приглушенном свете салона автомобиля переливался яркими огнями. Это был дизайн в виде терновых роз – выглядело довольно вульгарно. Каждая роза состояла из нескольких бесценных драгоценных камней. Возможно, эта вещь стоила как один роскошный дом, или даже два?

Владелец ювелирной цепочки, должно быть, упоминал об этом, когда унижал его, но Ши Цзянь забыл.

Он всегда был таким: забывал, но порой внезапно, вспышкой, вспоминал.

Для Ши Цзяня это не было проблемой, ему даже нравилось забывать.

Он вспомнил, как только что Чу Юнь холодно и недовольно окинул взглядом его шею.

Он сразу понял: тот был недоволен простотой Ши Цзяня, тем, что он своим видом якобы

опозорил молодого господина Чу.

Всё, что было на Ши Цзяне с головы до ног, подбирали лично Чу Юнь.

У Чу Юня был свой сугубо личный, высокомерный вкус, который он не позволял нарушать ни при каких обстоятельствах. А к таким вещам, как Ши Цзянь, принадлежащим ему единолично, он относился с фанатичной дотошностью, вплоть до материала и расцветки зажима для галстука.

Особенно украшения на теле – это была своего рода игра в переодевание, ставшая личным хобби Чу Юня.

Подобное уже случилось в день вручения премии «Оскар».

Майбах двигался так плавно, что казалось, будто он стоит на месте. Эта тишина была пугающе шумной. Положив руку на холодный, дорогой браслет, Ши Цзянь на мгновение успокоился, но тут же в замешательстве начал думать: является ли это холодное и спокойное сердце, приближенное к блеску драгоценных камней, формой тщеславия и жадности?

Но Пэн Шу не мог носить такое тяжелое бриллиантовое ожерелье.

Он мог лишь бродить босиком по бескрайним горам и карабкаться на бесконечные деревья.

Ши Цзянь понимал его.

Нет, Ши Цзянь и был им.

На то, чтобы окончательно отделить Пэн Шу от своего тела, ушло девять месяцев.

Выйти на сцену «Оскара», чтобы получить награду за Пэн Шу, Ши Цзянь смог лишь после того, как едва пришел в норму.

То ожерелье, настолько роскошное, что даже лежа на бархатной подставке, оно слепило глаза, по слухам, было коллекционным предметом из какой-то королевской семьи, которое Чу Юнь небрежно бросил в тесной темной комнате.

Игра света отражалась на двух телах, плотно прижатых друг к другу, связывая их воедино великолепным сиянием прошлого.

В узкой комнате Чу Юнь, взобравшись на Ши Цзяня, бесконечно требовал ласки, а Ши Цзянь, чувствуя свою нужность, наполнял свое израненное сердце и снова, и снова отдавал себя без остатка.

В момент, когда они еще обнимались, Чу Юнь резко дернул за ожерелье, отчего Ши Цзянь невольно вздрогнул.

Чу Юнь окинул его взглядом, его дыхание, еще не успевшее выровняться, обжигало кожу. Он оставил почти благоговейный поцелуй на коже под бриллиантами, которая после бурной близости казалась еще более румяной.

- Очень красиво.

Ши Цзянь застыл, смущенный и взволнованный этим неожиданно нежным прикосновением. В тот момент, когда его руки импульсивно потянулись обнять Чу Юня...

- Постарайся.

Руки замерли в воздухе.

- Не позорь меня, - сказал Чу Юнь.

Конечно, Ши Цзянь знал, он понимал, что самое главное - это...

Это был экспонат галереи «Наследие», а Ши Цзянь, стоящий в центре мирового кинохрама,

был лишь лучшим манекеном.

Визитной карточкой Чэньхуа.

А вовсе не актером Ши Цзянем.

Для Чу Юня он был функционален – это то, что Ши Цзянь не мог запомнить даже за семь лет.

В конце концов, он всегда забывал.

То, что ему нравилось, Чу Юнь всегда без видимой причины ненавидел.

На самом деле, это вряд ли можно было назвать отсутствием причины. Для баловня судьбы Чу Юня причин было много, и объяснять их кому-либо он не считал нужным.

Можно было взять любую первую попавшуюся.

Самая частая из них звучала просто: «мне это не нравится».

Перед тем как принять роль в «Безымянной птице», Чу Юнь был крайне против и испытывал почти физическое отвращение.

Режиссером был Ли Фань, чьи фильмы в последние годы пользовались невероятным успехом. Он сметал все мировые награды, и стать его главным героем означало, что одна нога уже стоит на пороге «Оскара».

– Это то, о чем многие могут только мечтать! – говорил тогда агент, занимавшийся этим вопросом.

Но Ши Цзянь стремился не к этому.

Он прочитал всего несколько страниц сценария, и его мысли закружились в неистовом вихре. Ветер гор унес его к Пэн Шу, и в своих снах он вместе с ним расправил крылья, став той самой безымянной птицей.

Он знал, что Ли Фань не ошибся в выборе: он понимал Пэн Шу и нашел его.

Чу Юнь приподнял бровь:

- Мне это не нравится.

Четыре легких слова перечеркнули всё.

Конечно, он мог пренебрежительно относиться к Ли Фаню. Даже если этот человек был самым выдающимся режиссером во всем мире, на всей планете, во всей Вселенной – что с того?

Ши Цзянь был его собственностью, и ему не нравилось, что его питомец выставляет себя напоказ.

В ту ночь Ши Цзянь был особенно покорным. Впрочем, он никогда не был непокорным.

Но та ночь была особенной. Он даже, преодолевая жгучий стыд, сам сделал то, что раньше давалось с трудом: он хотел порадовать того, кому принадлежал.

В ответ он получил лишь холодные насмешки.

- Похоже, ты очень хочешь ухватиться за эту возможность.

Да.

Но он делал это вовсе не ради этого.

Стоя на коленях на пушистом ковре, Ши Цзянь почувствовал, как его лицо сжали и приподняли. Его кожа, влажная после недавней близости, выглядела особенно соблазнительно.

Чу Юнь, тоже тяжело дыша, склонился над ним, нежный, как вода. Капли пота падали на влажное лицо, добавляя морскому существу перед ним еще больше чувственности.

Мягкие губы коснулись глаз, наполненных дождем, поцеловали щекочущие длинные ресницы и скользнули вниз, к дрожащему месту.

- Хороший брат, - проговорил Чу Юнь, сжимая его покрасневшую шею и присасываясь к мочке уха. - Дай мне попробовать еще чего-нибудь необычного.

...

Ши Цзянь сделал это.

На самом деле Чу Юнь не знал, что Ши Цзянь никогда не ненавидел такую бурную близость. Только в такие моменты Чу Юнь был абсолютно и безраздельно его.

Он любил его больше, чем когда-либо, целовал, обнимал, постоянно повторял «ты мой» и спрашивал Ши Цзяня: «Любишь ли ты меня?»

Твой.

Очень люблю, очень-очень люблю тебя.

Очень люблю Чу Юня.

- Кто ты?

...

Эти три слова были проклятием бога любви для Ши Цзяня. Если он не мог их произнести, то падал из прекрасного сна обратно в жестокую реальность.

Так же, как и в ту ночь, когда Ши Цзянь отбросил последние остатки своего самоуважения.

- Так стараешься... Похоже, ты действительно хочешь прыгнуть выше головы и вырваться за пределы отведенного тебе места.

Зрачки Ши Цзяня сузились. Он видел узкие глаза Чу Юня, частично скрытые за прядями длинных волос, - глаза холодные, как арктический лед.

- Если тебе действительно так хочется играть, я велю подготовить подходящие декорации, и ты будешь играть исключительно для меня, здесь, дома.

Чу Юнь сделал паузу, и его голос стал еще более вкрадчивым:

- В конце концов, когда ты играешь какую-то роль, ты кажешься мне наиболее интересным.

С этими словами он отвернулся, оставив Ши Цзяня смотреть на свою безупречно гладкую спину.

- Не забивай голову всякой ерундой. Послушно оставайся дома и старайся как можно лучше играть самого себя - это будет лучшим вариантом.

В этом, пожалуй, и заключался весь смысл существования Ши Цзяня.

Он медленно стер липкие следы поцелуев с уголков губ, опустил глаза и бессознательно принялся ковырять старые шрамы на своем теле.

Ему очень хотелось окликнуть Чу Юня, обернуться и сказать молодому господину: «Но ведь я никогда не играл самого себя».

Кого же он тогда играл? Ши Цзянь и сам не знал.

Возможно, он был лишь тенью бывшего возлюбленного Чу Юня. Возможно, он воплощал образ того, кого Чу Юнь когда-то искренне любил, но так и не смог получить.

У дублера нет права знать слишком много.

Даже если он – особенный, единственный в своем роде дублер.

- Господин, мы приехали.

Ши Цзянь вздрогнул, внезапно осознав, что снова слишком глубоко погрузился в свои мрачные мысли. Его рука продолжала тереть одно и то же место на запястье, и он едва не порезался об острые грани бриллиантов.

- Спасибо, – произнес Ши Цзянь извиняющимся, тихим тоном. – Можете отдыхать.

Только Ши Цзянь позволял себе быть настолько вежливым с водителем.

Потому что в глубине души Ши Цзянь считал: они с ним одинаковые люди, ведь оба они, по сути, работают на семью Чу.

Правда, его собственная работа была несколько специфической.

Он имел привилегию спать в постели своего хозяина.

Резиденция Чжоуинь находилась далеко в горах, и с самого подножия здесь действовала строгая тройная система безопасности, которая не позволяла войти ни одному незваному гостю.

Здесь царила такая абсолютная тишина, словно это место было окончательно покинуто миром. Ночной ветер, пробиравшийся до костей, был особенно холодным, и именно он окончательно привел Ши Цзяня в чувство.

Резиденция занимала колоссальную территорию. Когда в машине находился Чу Юнь, автомобиль всегда заезжал прямо на центральную площадь.

Но когда Чу Юня не было рядом, в привычном распорядке Ши Цзяня появлялись маленькие, почти незаметные изменения.

Ему нравилось медленно идти пешком от главных ворот до самого входа в главный дом. Этот недолгий путь дарил ему призрачное, но такое ценное ощущение «возвращения домой».

Он действительно был ненормальным: ему искренне нравились такие пустые, безлюдные места, словно отрезанные от всей остальной цивилизации.

Ши Цзянь всегда чувствовал себя многим обязанным Чу Юню, и переезд в резиденцию Чжоуинь был одним из тех моментов, за которые он был благодарен.

Даже если для роскошной и избыточной жизни Чу Юня это было незначительной, почти незаметной мелочью, для Ши Цзяня разрешение жить здесь стало истинным даром, который стоило ценить превыше всего.

- Господин, добро пожаловать домой.

Человек, встречавший его у входа, заранее получив известие о его прибытии, почтительно поклонился в приветствии.

Ши Цзянь с мягкой улыбкой ответил на этот жест.

Ему здесь действительно нравилось.

Так же, как в огромном мире Чэньхуа существовал только один истинный господин Чу – старший брат Чу Юня, Чу Мянъ.

Так и «господином», соответствующим статусу молодого господина в стенах резиденции Чжоуинь, был Ши Цзянь.

Это напоминало жизнь золотой птички в изысканной клетке из старых сказок, и Ши Цзяню эта роль очень импонировала.

Он искренне любил резиденцию Чжоуинь и считал её их общим домом.

Здесь он мог чувствовать, что полностью обладает Чу Юнем, ведь в этой резиденции существовали только молодой господин и господин.

Больше никого.

Дворецкий аккуратно взял его пальто:

- Господин, полагаю, на банкете вам было неудобно полноценно поесть, поэтому для вас был приготовлен легкий ночной перекус.

Ши Цзянь опустил взгляд, посмотрел на свой плоский живот, вспомнил холодные слова Чу Юня и с виноватой, грустной улыбкой ответил:

- Спасибо за ваш труд, но сейчас я просто хочу отдохнуть.

Ши Цзянь лег в постель и в обволакивающей темноте послушно закрыл глаза.

Здесь снова был дом только для него одного, но в то же время – лишь один из тысяч домов, принадлежащих Чу Юню.

Как и сам Ши Цзянь – лишь один из тысяч мужчин и женщин, пересекавших путь этого человека.

Правда, он был немного особенным.

У него было лицо, до пугающего похожее на лицо того самого человека.

В тот день, когда он окончательно отказался от идеи сниматься в «Безымянной птице», Ши Цзянь тихо сидел у искусственного озера, глядя на едва заметную рябь воды вдали – всё было так спокойно.

Ему очень хотелось... невыносимо хотелось... войти в эту воду и посмотреть, что там.

Это вовсе не было осознанным желанием умереть, просто там, в глубине, всё казалось очень комфортным и умиротворяющим.

Вскоре в его воображении возникла картина того, как он медленно погружается внутрь, и от этого сердце сжалось в болезненной спазме, словно он утянул за собой в эту бездну и Чу Юня.

Стул с грохотом опрокинулся, книга упала на траву, и Ши Цзянь в панике, задыхаясь, убежал оттуда.

Но работа над «Безымянной птицей» всё же началась.

Ши Цзянь был совершенно ошеломлен: он уже отказался от всякой борьбы, потому что чувствовал, что у него не осталось ничего, что он мог бы дать Чу Юню.

Агент тогда коротко пояснил: это решение руководства.

Значит, так решила Чу Хуан.

Он не знал, почувствовал ли он в тот момент облегчение, но первой, самой навязчивой мыслью всё равно было: «Рассердится ли из-за этого Чу Юнь?».

Должно быть, он был в ярости. В течение всего года, пока шли съемки «Безымянной птицы», Чу Юнь постоянно смотрел на него с ледяным, непроницаемым лицом.

Впрочем, возможно, Ши Цзянь просто ошибся в своих догадках.

Потому что вскоре после начала съемок Ши Цзянь окончательно исчез.

Остался только Пэн Шу.

Он постепенно перестал различать, где заканчивается реальность и начинается сценарий. Он уже не знал, видел ли он на самом деле Чу Юня, не знал, гневался ли тот из-за того, что его ручная птичка улетела слишком далеко и больше не могла его радовать... Так было даже лучше, иначе Ши Цзянь снова мог бы из-за этого глубоко расстроиться.

Но в то же время Ши Цзянь чувствовал, что он сам, в глубине души, очень сильно скучал по Чу Юню.

Бесчисленное количество раз он видел его во сне; много раз Чу Юнь был на расстоянии вытянутой руки, и Ши Цзянь крепко обнимал его, плача навзрыд от облегчения.

Но Ши Цзянь знал - всё это ложь.

Вне съемочной площадки Ши Цзянь никогда не плакал, а обнять Чу Юня и рыдать в его объятиях - тем более было невозможно.

Чу Юнь, скорее всего, с брезгливым отвращением оттолкнул бы его и велел немедленно помыться, прежде чем снова прикасаться к молодому господину.

Неспособность окончательно отделиться от образа Пэн Шу стала тем моментом, когда Чу Юнь больше всего его ненавидел.

Так и должно быть, думал Ши Цзянь.

Он вытеснил из своего тела любимого человека Чу Юня другим персонажем, и Чу Юнь, должно быть, ненавидел его до самой смерти.

Но у него не было иного выбора, он мог лишь пытаться утешить Пэн Шу.

- Ничего страшного, - нежно шептал он, обращаясь к Пэн Шу: - Он ведь на самом деле не так уж сильно меня любит.

Влажный, тяжелый песок прилип к лодыжкам, вдалеке разбитые прожекторы рвали тьму на куски, а грубая ткань старой рубашки, испачканной кровью, царапала кожу.

Он сжал пальцы, бережно, почти благоговейно держа ту маленькую, умирающую птичку.

- Пэн Шу, беги быстрее, не останавливайся! - крик матери пронзил барабанные перепонки, заставляя содрогнуться.

Ши Цзянь оглянулся, но увидел лишь Чу Юня, стоящего на берегу реки с нахмуренными бровями и бледными, почти белыми губами.

В завывании ветра слышался едва уловимый щелчок, словно кто-то зажег зажигалку.

Силуэт Чу Юня начал медленно растворяться в густом тумане, он уходил всё глубже в темную воду.

Ши Цзянь громко, срывая голос, закричал:

- Чу Юнь!

Он не мог дышать, в горле стоял лишь беззвучный, мучительный спазм, похожий на плач. Он не мог понять, был ли это Пэн Шу, он сам или... кто-то совершенно иной.

Он бежал, ему нужно было во что бы то ни стало схватить его, нужно было спасти... но в руках оставалась лишь ледяная вода и ускользающая, призрачная ладонь.

Огромная волна накрыла его с головой, вода хлынула в нос, заполнила легкие, причиняя жгучую боль; наступило удушье.

В абсолютной темноте эхом раздавалось: «Тун Хуа! Тун Хуа!»

Нет, нет...

- Тун Хуа!

Рассвело.

Он открыл глаза, резко очнувшись от удушья. Обливаясь холодным потом, он замер, уставившись в потолок. Желудок скрутило от резкой боли, а в груди словно зияла огромная, кровоточащая дыра.

Ши Цзяню было так больно, что он был готов разрыдаться прямо сейчас.

Кровать рядом с ним прогнулась - там сидел хозяин этого дома.

Ши Цзянь медленно моргнул, чувствуя, как в горле пересохло. Он отчаянно хотел схватить руку, лежащую рядом, и позвать его по имени.

Он так сильно хотел... так жаждал объятий Чу Юня...

- Опять, - Чу Юнь грубо сжал его щеки, окинул холодным взглядом, остановившись на дрожащих глазах, и нахмурился с явным недовольством: - Ты можешь не доводить себя до такого состояния каждый божий день?

Ши Цзянь мысленно добавил: «...до такого несчастья».

Слезинки на ресницах уже успели высохнуть.

- Хорошо, - его голос звучал неестественно хрипло и надломленно. - Прости.

Как и в каждый из тех мучительных моментов в прошлом, когда он совершенно не мог отличить сон от реальности.

Жажда того, чтобы Чу Юнь обнял его в этот миг, было непозволительной роскошью, которую Ши Цзянь просто не мог себе позволить.

<http://bllate.org/book/17941/1720606>